

Пьяница / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Пьяница / новелла ПЬЯНИЦА

Северный ветер, бушуя, яростно гнал по небу огромные, зимние тучи, и они неслись, тяжелые, черные, низвергая на землю жестокие ливни.

Разъяренное море ревело и сотрясало берег, неповоротливые громады пенистых волн ударяли о скалы с грохотом артиллерийских залпов.

Валы медленно набегали один на другой, высокие, как горы, и свирепый порывистый ветер брызгами рассеивал белую пену их гребней, похожую на пот взмыленных чудовищ.

Ураган завывал в маленькой долине Ипорта, свистел и стонал, сбрасывая черепицы с кровель, ломая навесы, снося дымовые трубы и с таким бешенством врываясь в узкие улицы, что ходить по ним можно было только держась за стены, а детей, пожалуй, унесло бы, как листья, через крыши домов и разметало бы по полям.

Рыбачьи лодки были вытащены далеко на берег из боязни, как бы море в сильный прилив не смыло их, и несколько матросов, укрывшись за выпуклым брюхом баркасов, лежавших на боку, следили за этим гневом неба и моря.

Постепенно они разошлись по домам, ибо спускалась ночь, окутывая тьмой обезумевший океан и весь этот разгул бушующих стихий.

Осталось только два человека: засунув руки в карманы, пригнувшись под ветром, надвинув шерстяные береты на самые глаза, стояли на берегу два рослых нормандских рыбака – у обоих лица в кайме жесткой бороды, кожа выдублена солеными ветрами океанских просторов, а голубые глаза с черным зернышком зрачка, зоркие глаза моряков, взглядом пронизывают даль до самого горизонта, подобно глазам хищной птицы.

Один из них проговорил:

– Ну что ж, Иеремия, двинулись? Пойдем, скоротаем время за

домино. Я плачу.

Другой еще колебался: его соблазняли игра и водка, но он хорошо знал, что не миновать ему опять напиться, если он попадет к Помелю; удерживала также мысль о жене, которая осталась одна в их хибарке.

Он спросил:

– Ты что, о заклад побился поить меня допьяна каждый вечер? Скажи, тебе-то какая прибыль в том, что ты всегда платишь?

И он засмеялся, радуясь мысли, что выпил столько водки за чужой счет. Это был довольный смешок нормандца, оставшегося в барышах.

Матюрен, его приятель, все тащил его за рукав.

– Да ну, пошли, Иеремия. Не такой вечер сегодня, чтобы вернуться домой, не согрев нутра. Ну, чего ты боишься? Что жена озябнет без тебя в постели?

Иеремия отвечал:

– Намедни вечером я не угадал свою дверь. Меня чуть что не выудили из канавки перед нашим домом.

И он опять засмеялся, вспоминая об этом пьяном приключении. А сам уже двигался потихоньку к кабачку Помеля, сиявшему в ночи ярко освещенным окном. Матюрен тянул его за рукав, ветер подталкивал, и он шел, неспособный противиться этим двум силам.

Низкий зал был полон матросов, дыма и крика. Все эти люди в шерстяной одежде, навалившись локтями на стол, орали во всю глотку, чтобы их было слышно. Чем больше набивалось сюда любителей выпить, тем сильнее им приходилось кричать среди оглушительного шума и стука домино о мрамор столиков, и это было поводом для того, чтобы шуметь еще больше.

Иеремия с Матюреном уселись в уголке и начали партию, опрокидывая стаканчик за стаканчиком в свои широкие глотки.

Они сыграли много партий и выпили много стаканчиков. Матюрен все подливал, подмигивая одним глазком хозяину, толстому, краснорожему кабатчику, а тот весело скалился, словно был посвящен в какую-то давно разыгрываемую шутку. Иеремия, поглощая спирт, потряхивал головой, заливался хохотом, похожим на рычание, и все поглядывал на приятеля с ошалелым и

блаженным видом.

Посетители понемногу разошлись. И всякий раз, как отворяли наружную дверь, в кабачок вторгался ветер, бурно колыхал тяжелые клубы табачного дыма, раскачивал подвешенные на цепочках лампы, причем пламя их начинало мигать, и слышался гулкий грохот прибоя и рев урагана.

Иеремия, расстегнув ворот, сидел в позе пьяного, вытянув далеко вперед ногу, уронив одну руку, – в другой он держал костяшки домино.

Приятели остались одни, и хозяин подошел к ним, полный живейшего интереса.

– Ну как, Иеремия, освежил себе нутро?

Иеремия пробурчал:

– Чем больше льешь в утробу, тем в ней суше.

Хозяин коварно взглянул на Матюрена.

– А брат твой, Матюрен, где сейчас, в такую пору?

Матюрен беззвучно засмеялся.

– За него не тревожься. Он-то в тепле.

И оба посмотрели на Иеремию, который, торжествуя, поставил двойную шестерку и объявил:

– Вот он, синдик!

Когда они кончили партию, хозяин заявил:

– Ну, ребята, мне пора на боковую. Оставляю вам лампу и литровку. За все гоните двадцать су. Ты запрешь за собой дверь, Матюрен, и сунешь ключ под навес, как намедни.

Матюрен ответил:

– Ладно, не беспокойся. Все сделаю.

Помель пожал руку обоим засидевшимся гостям и грузно поднялся к себе по деревянной лестнице. Несколько минут его тяжелые шаги отдавались по всему домику, а затем глухой треск возвестил, что он укладывается на свое ложе.

Приятели продолжали игру. Время от времени от бешеного, все возраставшего шторма дрожали стены, ходуном ходила дверь, и собутыльники поднимали голову, думая, что кто-то вошел. Матюрен брал бутылку и наливал в стакан Иеремии. Часы пробили полночь. Их хриплый бой походил на лязг кастрюль, а после каждого удара стоял долгий гул, как от звона старого железа.

Матюрен сразу поднялся, словно матрос, который кончил вахту.
– Пошли, Иеремия, надо вытряхиваться. Иеремии подняться было гораздо труднее: он нашел равновесие, только опершись о стол; затем добрался до двери и отворил ее, а в это время его товарищ гасил лампу.

Выбравшись на улицу. Матюрен запер на замок дверь и сказал:

– Ну, прощай, до завтра.

И исчез в потемках.

Иеремия ступил шага три, зашатался, протянул вперед руки, наткнулся на стену, благодаря ей удержался на ногах и, спотыкаясь, снова пустился в путь. Минутами вихрь, ворвавшись в узкую улицу, швырял его вперед, заставлял пробежать несколько шагов, а когда сила ветра спадала, пьяница, как бы лишившись двигателя, останавливался, шатаясь на своих неверных ногах.

Он шел к дому инстинктивно, как птица летит к гнезду. Наконец узнал свою дверь и принялся ощупью отыскивать замочную скважину, чтобы вставить в нее ключ. Но он никак не мог найти отверстия и все ругался вполголоса. Кончилось тем, что он стал колотить кулаками в дверь, призывая на помощь жену:

– Мелина! Эй, Мелина!

И он с такой силой налег на створку, что она не выдержала, поддалась, Иеремия, потеряв опору, ввалился в свою лачугу, грохнулся ничком посреди комнаты и почувствовал, как что-то тяжелое пробежало по нем и умчалось в темноту.

Он долго не шевелился, оцепенев от ужаса, обезумев от страха перед дьяволом, выходцами с того света и всеми таинственными делами, которые происходят в ночном мраке.

Но вокруг ничего больше не двигалось, и понемногу к нему вернулось сознание, затуманенное сознание пьяного. Он тихонько поднялся и сел. Выждав еще некоторое время, он, наконец, отважился заговорить и произнес:

– Мелина!

Жена не отвечала.

И вдруг сомнение закралось в его омраченный мозг, неясное сомнение, смутная догадка. Он снова застыл на месте, сидя на

полу в черной тьме, собираясь с мыслями, цепляясь за ускользящие предположения, неуверенные и шаткие, как его ноги.

Он спросил:

– Скажи мне, кто тут был, Мелина? Скажи, кто тут был? Я ничего тебе не сделаю.

Он подождал. В темноте не слышно было ни звука. Теперь он рассуждал уже громко:

– Ну что ж, что я выпил? Ну да, выпил. Ведь это он меня накачал, сволочь этакая! Это он нарочно, чтоб я домой не шел. Ну я и напился.

И снова заладил свое:

– Скажи мне, Мелина, кто тут был? Лучше скажи, а то я натворю беды.

Прислушавшись опять, он продолжал с тяжеловесной упрямой логикой пьяного:

– Ну да, он нарочно задерживал меня у этого бездельника Помеля каждый вечер, каждый вечер, чтоб я домой не шел. Видно, они стакнулись между собой. А, падаль!

Он медленно поднялся на колени. В нем нарастал глухой гнев, к которому примешивалось возбуждение от винных паров.

Он повторил:

– Скажи мне, кто тут был, Мелина, а не то, смотри, изобью, слышишь?

Он стоял теперь, весь дрожа в своем грозном гневе, как будто выпитый алкоголь воспламенился в его жилах. Он ступил шаг, ударился о стул, схватил его, двинулся дальше, натолкнулся на кровать, ощупал ее и почувствовал под руками теплое тело жены.

Обезумев от ярости, он зарычал:

– А-а-а! Ты была тут, гадина, и ничего не отвечала.

И, подняв стул, который он держал в своей сильной матросской руке, он в исступлении хватил им наотмашь по постели. Раздался крик, безумный, душераздирающий крик. А пьяница принялся бить стулом, как цепом на гумне. Вскоре ничто уже не шевелилось. Стул разлетелся на куски, но в руках у него осталась ножка, и он, задыхаясь, все бил ею и бил.

Затем вдруг остановился и проговорил:

– Ну, теперь скажешь, кто тут был?

Мелина не отвечала.

Тогда, изнемогая от усталости, отупев от совершенного насилия, он опять опустился на пол, растянулся и сразу заснул.

Когда наступил день, сосед, заметив, что дверь открыта, вошел в дом. Он увидел Иеремию, который храпел на полу, усеянном обломками стула, а в кровати – месиво крови и мяса.

* * *

Напечатано в «Голуа» 20 апреля 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Аверьяновой Некаýalar